

A man with curly hair, seen from behind, stands in a narrow, dilapidated prison corridor. He is wearing a light-colored t-shirt and dark pants. The corridor is flanked by high, barred metal walls. At the end of the corridor is a large window with vertical bars, through which bright daylight is visible. The floor is covered in debris and has a metal grate in the foreground. The overall atmosphere is somber and institutional.

Сергей Дёмин

ПИЗА.КА

18+

Сергей Дёмин

ШИЗА 3.КА

<https://litres.ru/74129329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга из трилогии.

Главный герой просыпается в тюрьме и ничего не помнит. Никто толком не объясняет ему, кто он и как сюда попал. Он часто теряет контроль над своим телом и сознанием, что мешает ему разобраться в ситуации. Но вскоре он понимает, что у него есть вполне конкретная цель, и что в тюрьме он по своей воле. Он практически всё отдал, чтобы сюда попасть.

Первая книга будет состоять из двух частей. Первая часть - глазами главного героя. Вторая расскажет нам, что происходило вокруг него в действительности.

Большинство персонажей из книги имеют реальных прототипов, преувеличивать "достоинства" которых нет смысла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21

Сергей Дёмин

ШИЗА 3.КА

Глава 1

Шиза 3.ка

Часть №1. «Глазами психа»

Глава №1. Спасибо за смерть.

Состояние заключённого: потеря независимости и индивидуальности. Попадая под огромное давление, он зачастую сталкивается с депрессией и нервным срывом. Но бывает и гораздо хуже...

Осуждённый Дягилев А.А. сидел в одиночной камере 2х3 метра, может меньше. От очередного приступа клаустрофобии напряглось всё тело. Сидеть на табуретке было сложно – болела спина. Сел на пол спиной к стене, но пол был ледяной, да и стена тоже, но так хоть немного поудобнее.

Холод стал проникать внутрь тела и добрался до почек, которые заныли так, что стон вырвался сам собой. Застонал Дягилев не только от холода и боли, но и от усталости душевного состояния. Привыкнуть к физическому дис-

комфорту ещё как-то можно, но к душевному – нельзя! За стоном посыпались проклятья, злость переполняла.

Поскольку деть себя было некуда, Дягилев всё своё внимание периодически направлял на стену, которая напоминала ему древние развалины. В зависимости от того, как на неё падал свет из маленького окна под потолком, там появлялись разные образы. Поэтому Дягилеву особенно нравились закаты – солнце садилось быстро, угол падения света менялся прямо на глазах и можно было вообразить что-то живое. Или что стена живая.

Иногда на стене Дягилев видел лица, которые смеялись над ним, но он ничего не мог с этим поделать – даже когда он отворачивался от стены, всё равно чувствовал, что лица никуда не делись и по-прежнему смеются над ним.

Чёртова стена!

Она смеялась над арестантом вместе с лицами на ней! В эти минуты он ненавидел её и она знала это. Она была живая! Она подползала к нему всё ближе и ближе, и вот уже смеялась ему прямо в ухо. От напряжения бросало в пот, который щипал глаза, но вытереть было нечем – руки грязные и потные, как и все вещи на нём. Ладони становились холодными, тело немело, ноги не слушались. Пребывая в подобном ступоре, Дягилев не чувствовал мир вокруг себя от слова совсем. Ничего не было, словно никогда и не существовало – только он и эта проклятая стена! Он кричал, но сам себя не слышал, надрывая связки в полной тишине, будто и

звуков, вместе с остальным миром, не существовало вовсе!

Но потом Дягилев что-то вспоминал, брал себя в руки и стена покорно отодвигалась на своё место.

«Я живой!» - говорил он себе.

Что-то не давало ему становиться реально сумасшедшим, какая-то цель, которую он не позволял себе забывать.

Теперь это снова обычная, облезлая стена.

Когда она не угрожала ему расправой, он снова мог слышать себя, но говорил мало и тихо, словно боялся разбудить стену. Она была ему и другом, и врагом, то показывая что-то красивое, то вновь пытаясь раздавить его. Но больше у него никого и ничего не было.

Только эта чёртова стена!

Уже долгое время Дягилев находился в этом мусорном баке человеческих отходов размером 2х3 метра. Год или два – он давно сбился со счёта.

Он давно бросил попытки и надежды выбраться отсюда. Гораздо легче было просто сойти с ума, о чём он уже начинал иногда мечтать, но что-то его держало в разумном мире и не давало сгинуть. Ногти и волосы давно повыпадали от влажности, сырости, холода и голода. Раз в день ему приносили тарелку с жидкостью, в которой плавала редкая капуста, и кусок грязного хлеба. Пару раз в месяц в тарелке оказывалась ещё какая-то еда, но понять, что именно, было невозможно – просто какой-то комок, который можно было разжевать дёснами и остатками зубов. И не факт,

что это вообще была еда, может охранники издевались и кидали в тарелку грязь, но выбирать не приходилось.

В какой-то момент тело Дягилева А.А. пронзило током и он выгнул спину. Что-то ползло по его спине! Дягилев резко вскочил, отчего сильно закружилась голова, начало тошнить и свело левую ногу, но он смог устоять и сдёрнуть с себя робу, которая висела на нём, как на палке, и швырнуть её на пол. Из-под робы вылез таракан. Мерзкое животное. Но всё же это животное! Живое существо!

После того, как шок прошёл, желудок напомнил мозгу, что это еда. Дягилев давно ничего не ел, кроме капусты на воде. А последние дни капуста была сильно кислая, с отвратительным запахом, который появлялся в камере задолго до самой капусты, отбивая всякий аппетит.

Но есть таракана Дягилев не стал, он сел рядом и смотрел на него. Это была своего рода победа за разум и человечность. Оставить таракана живым – стало для него огромным событием, которое вернуло его к реальности. Словно оплеуха судьбы, напоминающая, что он был не один, что есть мир вокруг и что жизнь продолжается! Не всё ещё потеряно!

В эту минуту открылся кормяк (окошко в двери, через которое кормят арестантов), но вместо миски с вонючей капустой, послышался голос: «Андрей Андреевич, вам привет от Проканова Олега Борисовича!»

Дягилев, не веря своим ушам, повернулся к двери и уви-

дел ствол пистолета, торчащий из кормяка. Но выстрела не было, словно убийца чего-то ждал. Дягилев попытался встать и получилось не сразу. Но как только он встал и сделал шаг к двери, прогремел выстрел.

Дягилев скорее оглох, чем испытал какую-то боль. Звон стоял неимоверно громкий и гул в голове напоминал эффект от взрыва бомбы. Что-то тёплое потекло по ногам и Дягилев опустил голову, чтоб посмотреть.

Кровь.

Сознание начало понемногу уходить. Дягилев забыл про таракана, про надежду, про свою маленькую победу... Усталость вылезла на первый план, а точнее её отступление. Он почувствовал облегчение.

Дягилев лишь тихо произнёс: «Спасибо...» и упал.

Глава 2

Глава №2. Три года ранее.

В тот день я вроде как впервые в жизни открыл глаза. Странное чувство, когда ничего не помнишь. Первые минуты были наполнены отвращением, достаточно было просто оглядеться, чтобы понять, что нахожусь я в плохом месте и с плохими людьми.

Почему-то посетила мысль, что при виде жертвы люди чувствуют себя виноватыми и это вызывает ненависть к себе. Но по-настоящему ненавидеть себя очень тяжело и мозг перенаправляет агрессию в сторону жертвы. Поэтому ни в коем случае нельзя становиться жертвой, тем более в незнакомом месте с кучей незнакомых людей. Тем более, если один из них соскребаёт старую краску с многократно перекрашенной койки в свою сигарету и закуривает её на твоих глазах.

Может я психолог?!

- Отвали! – Сказал я соседу по койке, который протянул мне сигарету с краской. И это было первое моё слово! Свой голос я не узнал, поэтому этот момент крепко засел в моей памяти.

- Оп-па, Вася, ты шо грубишь? Если не хочешь, нам больше достанется! – Радостно выкрикнул молодой паренёк с

белорусским акцентом и отвернулся. Он сидел на соседней койке лицом ко мне, но затем перекинул ноги на другую сторону койки и задымил.

- Я не Вася, - вырвалось у меня, но уверенности в этом не было, - или... - тут я завис.

- Или шо?! Ты шо, не уверен Вася ты или не Вася?! Ты случаем не отрабатываешь?! – Сказал парень, даже не поворачиваясь, будто говорил кому-то другому. Затем последовал откровенно-дебильный смех.

- Кого? – Спросил я.

- Шо кого?! – Вопросом на вопрос ответил белорус.

- Кого отрабатываю?

- Не кого, а чего. Диагноз! Вася, ты походу точно отрабатываешь! – Ответил белорус и повернул голову, чтоб посмотреть на мою реакцию. Глаза блестели, это была явно не первая его сигарета с краской.

Кто-то крикнул с другого конца комнаты:

- Под психа косит! Ладно, братуха, передавай дальше сигарету, тлеет же!

Я смотрел на всё вокруг и не мог вспомнить ни своего имени, ни что я здесь делаю, ни самого места, ни этих подозрительных людей, общающихся друг с другом исключительно матом. Вообще ничего!

Это вызвало во мне жуткую ярость! Я попытался успокоить себя, но услышал странный гул. Как будто за окном включили мощный генератор. Звук становился всё громче и

громче, и теперь складывалось ощущение, что гул идёт от всех стен и каждого предмета в комнате. Он заполнял всё пространство и вскоре проник внутрь моей головы. Теперь я ничего не слышал, кроме него, даже своего голоса!

Я потерял контроль над собой, вскочил и уложил одиннадцать человек, сидящих со мной в комнате. Они что-то кричали, но в моей голове был только один гул. Одного за другим я вырубал то об металлическую кровать, то об стенку, то просто сильным ударом под нужным углом, отправляя в нокаут. Почти все были молодыми парнями не более 30 лет, кроме одного постарше – ему на вид под пятьдесят.

Я кто-то из спецназа?!

Под конец стало страшно за себя. Зачем я это сделал? Кто я такой? Что я вообще делаю в тюрьме? А ведь я определённо был в тюрьме! Койки, решетки на окнах, тумбочки и табуретки прикрученные к полу. О последних я узнал, когда пытался поднять одну из табуреток, чтобы проломить парню голову, но в итоге пришлось наоборот – прикладывать голову парня к табуретке. От переменны мест слагаемых итог, в виде разбитой головы, не меняется.

Я сумел не перейти грань и просто отключил им всем сознание на время, опыт в этом деле у меня явно был немаленький. Хоть вокруг всё было в крови, но главное, что все остались живы! Вроде.

Глава 3

Глава №3. Небо за решёткой.

Оперативному сотруднику не пришлось долго объяснять, что я ничего не помню – он мне сразу не поверил и на всякий случай предупредил, что если я буду сопротивляться, то «повесит на меня нападение на сотрудника». Бил слабавато, я бы даже сказал не серьёзно. Но отомстить ему захотелось от этого не меньше.

Добиться от меня он ничего не смог. Даже если б я хотел, то сказать мне всё равно было нечего. В итоге меня отправили в ШИЗО (штрафной изолятор).

Маленькая, вонючая, грязная комнатёнка, с открытым туалетом. Здесь явно давно не убрались. Лет 20, не меньше. Кровать пристёгнута к стене, сесть некуда, разве только на корточки. Ноги быстро затекли и я начал ходить туда-сюда. Ну, как ходить... полтора-два шага и разворот. Особо не разгуляешься.

Злило то, что я ничего не мог вспомнить! Злило чувство беспомощности! До отвращения злила грязь вокруг и вонь из туалета!

Спустя бог знает сколько времени открылся кормяк и оттуда появилось очень грустное лицо какого-то парня. Видимо тоже арестанта. Их в тюрьме привлекают на разно-

го рода работу.

- Есть будешь? – Спросил он монотонным голосом.

- Нет. – Почему-то отказался я, хоть в желудке урчало уже давно.

- До утра будешь голодный?! – Не унималась грустная голова и не зря, я решил успокоиться и поесть.

Время в тюрьме тянется бесконечно долго, но когда оглядываешься назад, ощущение, что прошёл один миг. И вот, спустя один такой миг в несколько дней, дверь открылась и меня куда-то повели. Оказалось, что мыться. Дали маленькое вафельное полотенце и кусок мыла. И это был настоящий праздник! Хоть и дали всего 15 минут, стоял я до последнего. Меня выгоняли чуть ли не силой.

Это сложно объяснить, это можно только прочувствовать, находясь внутри системы: когда весь твой мир съёживается до пары квадратных метров грязи и вони, а всё твоё общение сводится к унижению со стороны сотрудников, спустя какое-то время открывается путь наименьшего сопротивления. Путь этот подразумевает принятие того, что ты дерьмо и жизнь твоя дерьмо. И тогда жить станет легче в окружении всего этого дерьма. Ты как бы сливаешься с обстановкой.

Но, если выбрать другой путь, в котором ты пытаешься остаться человеком, для которого всё это чуждо, придётся помучаться и довольно сильно, потому что выходных дней в этом дурдоме нет, отдохнуть и отдышаться никто тебе

не даст.

Но есть моменты, когда два раза в неделю по 15 минут ты стоишь под напором воды, которая бьёт тебе в голову и растекается по ушам так, что кроме воды ты ничего не слышишь, а телом, кроме воды, ничего не чувствуешь, ты забываешь обо всём... Вода смывает весь негатив, всю вонь, всю злобу и ненависть.

В зависимости от смены, иногда дают помыться чуть дольше. А иногда можно и дубинкой получить по почкам, если хоть на минуту задержишься, тогда негатив возвращается быстро, но сделать с этим ничего нельзя. В одиночку против системы не попрёшь.

И снова монотонные дни меняли друг друга с непонятно какой скоростью. Времени подумать было много, вот только, думать было не о чем — я так ничего и не вспомнил.

Спустя 15 суток меня вывели, но уже не мыться, а привели в камеру, где было почти 20 человек. Зашёл я молча, мне показали на единственно свободное место, куда я и бросил матрац, за которым зашли по пути. В одиночке у меня матраца не было, но меня это совсем не волновало, были проблемы, которые волновали меня гораздо больше!

Кто я такой?!

В камере стояла гробовая тишина и это явно было из-за меня. Кто-то на меня косился, а кто-то смотрел не стесняясь. Тишину прервал высокий и жутко худой мужик. Он подошёл спросил, кто я и что за статья, но безрезультат-

но - мне было нечего сказать.

После короткого и очень странного разговора, в процессе которого я сказал лишь пару слов, а собеседник долго и пристально вглядывался в мои глаза, нас перебил сильно пожилой зек, сказав тому отстать от меня. И объяснил, что есть правило трёх гостевых дней: даётся три дня, чтобы новичок присмотрелся, как живёт хата и люди в ней, а уж потом и сам начал принимать участие наравне со всеми. Но это не значит, что можно делать что угодно. Приветствуется «проявление интереса». Т.е. надо спрашивать что, как и почему. Но слово «спрашивать» в тюрьме заменено на «интересоваться» и это порой звучит довольно глупо.

В первый день мне дали понять, что в курсе моего беспредела в предыдущей камере. Но я не смог всех успокоить, потому что сам не знал, что это было. Попробовал объяснить, что услышал сильный гул, который нарастал всё сильнее и сильнее, пока я не ощутил, что телом уже не управляю, а спустя несколько минут, в камере остался в сознании я один. Не надо говорить, что мужиков эта новость не обрадовала. Напряжение только возросло. Народ решил, что кто-то будет всегда бодрствовать, чтобы присматривать за мной, а меня попросили сразу предупредить, если начнётся тот самый гул.

- А где я нахожусь? – После расспроса я немного расслабился и решил узнать нужные мне вещи.

- Считай, что дома, если в дурку не заберут. – Ответил

пожилой.

Я счёл данный ответ нежеланием со мной разговаривать и не стал продолжать.

В этой камере не было отморожков, которые соскребали краску с коек в сигарету, не было много мата, да и в целом было терпимо, если ни на кого не смотреть и ни с кем не говорить.

Кормили отвратительно, но зато спали много. Приятно было то, что можно лежать на кровати сколько угодно, да ещё и с матрацем! В одиночке кровать была пристёгнута к стене и опускалась только на ночь с 22.00 до 6.00. Один край кровати крепился на подвижные уголки к стене, а другой за оба края к металлическим цепям, которые уходили в дырки в стене. В 6 утра эти цепи кто-то тянул, и кровать поднималась, прижимаясь к стене. И так как на пол там лечь было невозможно – он был очень грязный и липкий – то вечером я падал на кровать и вырубался без всякого матраца. А тут спи сколько угодно!

Но на третий день я проснулся с неприятным ощущением *déjà vu* – я один и всё в крови, народ опять разбросан по камере. В этот раз я ничего не видел, потому что инцидент был во сне. Было неудобно перед мужиками, они мне вещей подарили, накормили, а я их вырубил. Нехорошо!

И снова тот же опер (но уже без рукоприкладства), та же одиночка, та же пристёгнутая к стенке кровать... 15 суток.

В третьей камере всё повторилось и в итоге меня прописали в одиночке на 3 раза по 15 суток. Потом перевели в другое здание, где одиночки были побольше и там я уже провёл почти полгода. Странно, но время пролетело быстро, хотя пока я был там, мне казалось, что время вообще остановилось.

Выводили иногда погулять в прогулочные дворики — комнаты где-то 5х5 метров с открытым небом, но небо в решётку из толстых металлических прутьев, между которыми была металлическая сетка так, что даже руку не просунуть, но небо и птиц видно, хоть и за решёткой.

Глава 4

Глава №4. Вывод неверный.

Относились ко мне с огромной осторожностью. Выводили гулять целым взводом сотрудников. Ни с кем из арестантов не давали пересекаться.

За эти полгода я несколько раз посетил разных врачей, был и у начальника тюрьмы, и у следователей, и даже адвокат приезжал, назначенный мне государством. Никто ничего объяснить мне не смог, только одни допросы, но так как сказать мне было абсолютно нечего, были они весьма короткие. Единственное, что я узнал, что обвиняют меня по 105 статье, часть 1 – преднамеренное убийство.

Неужели, я убийца?!

Однажды, повезли в какую-то вольную больницу с огромным эскортом – сопровождали меня с дюжину громил, один даже был с собакой. Выходя из здания тюрьмы, толком ничего не было видно – машина стояла вплотную к двери и я успевал лишь на долю секунды ощутить дневной свет. Это было чертовски приятно, потому что напоминало, что есть мир вокруг! В эти мгновения я старался хоть на секунду задержаться и запомнить эти ощущения. В больнице меня быстро провели по коридорам в комнату без окон, где было много всякой аппаратуры. Меня положили на вы-

движной стол огромной иштукотины. Врач объяснил, что это МРТ.

Я начал что-то вспоминать, какие-то нюансы этого процесса. Но это были словно вспышки, отдельные слова, которые ничего мне не говорили. Например, я вспомнил, что МРТ по сути это большой магнит, далее всплыли понятия «ионизирующее излучение», «радиоволны» и ещё пару слов, но значения их я не вспомнил. Но это уже хоть что-то. Появилась надежда!

Может я доктор?!

После мне ввели что-то в кровь. Стало немного тревожно, но оказалось, что это контрастирующее вещество, с которым картинка будет чётче. А вот то, что врач сказал дальше: «Дальше будет шум от работы генератора, но от этого никуда не деться, потерпите. Надо будет минут 20 лежать неподвижно».

Полежать – не проблема, а вот гул...!

Шум от генератора очень напоминал тот самый гул. 20 минут показались вечностью, но всё обошлось!

После из меня выкачали кучу крови и отвезли обратно. Снова в одиночку. Как же мне не хотелось туда возвращаться! Я даже немного пожалел о том, что не было никакого инцидента. Сам-то я бы не смог сбежать, а вот после потери контроля раскидал бы охрану и сбежал. Хотя куда я побегу?! Я даже не помню кто я такой!

Где-то через две недели меня снова снарядили в ту же

больницу. Но в этот раз я пробыл там значительно дольше. Со мной общались многие врачи, задавали кучу вопросов, показывали какие-то картинки, а я всё ждал, когда же проснётся мой внутренний монстр и мы сбежим, но он не просыпался. А жаль! Я очень сильно не хотел обратно в тюрьму! Так сильно не хотел, что готов был попытаться сбежать, но дюжина людей за дверью, один из которых был с собакой, действовали на меня отрезвляюще.

Спустя несколько дней я начал вспоминать какие-то вещи, но о себе абсолютно ничего. Как будто меня и не существовало вовсе. Но об этом я никому не говорил на всякий случай.

Я так и не смог понять, что провоцировало эти инциденты и потерю контроля. Может, это была ненависть к арестантам? Ведь в больнице, откуда можно было сбежать, ничего не происходило. Неужели, я мент или что-то типа того?! Не знаю почему, но к сотрудникам тюрьмы я относился с глубокой неприязнью, хотя они и старались вести себя со мной максимально вежливо и осторожно. Надеюсь, этот вывод неверный!

Глава 5

Глава №5. Осталось дожидаться завтрашнего дня.

И так пролетело полгода. Я жил в одиночке, но со мной постоянно кто-то контактировал. Чаще всего это был Олег Борисович Проканов. Отличный психотерапевт и добрейший человек! Мы говорили о многом, хоть большую часть я не помнил. Олег Борисович предположил, что я не помню ничего, что связано с моей жизнью. Например, я почти ничего не помнил о Москве. Борисыч (мы уже стали почти друзьями с Олегом Борисовичем) сделал вывод, что я не помню Москву из-за того, что жил в ней. Версия была правдоподобной.

Приступов у меня большие не было, но и память не спешила возвращаться. Меня перевели в общую камеру, где про меня все уже знали. Тюрьма – странная штука – с одной стороны все изолированы по отдельным камерам, но при этом все знают обо всём. Знали в камере и про мой гул, который ничего хорошего не предвещал, и про мою память, а точнее про её отсутствие. И всё благодаря дороге.

Дороги – это связь между камерами с помощью верёвок через окна. Все окна связаны со всеми соседними, и так можно передать что угодно (от записки до полторалитровой бутылки) в любую камеру, просто передаваться это всё бу-

дет из камеры в камеру, пока не дойдёт до цели. В каждой камере есть свои дорожники, которые сидят у окна всю ночь и чётко фиксируют каждую посылку в точковке, которую хранят три дня, а потом утилизируют. Это на случай потери какой-нибудь посылки: собираются все точковки и отслеживается маршрут посылки. Где произошёл разрыв, с тех и спрос. Бывают малозначимые вещи передают, а могут и тырку отправить. Так здесь телефон называют. За это уже спрос серьёзный будет!

Меня предупредили, что без присмотра не оставят ни на минуту, и попросили говорить сразу, как только появится гул в голове. Ментам ведь всё равно, что случится внутри камеры, а мужикам со мной как-то жить надо. Вот и выработали определённые правила моего существования.

Шёл день за днём, приступов не было и это радовало! Но только это.

Я так и не знал, за что сижу. Мне озвучили, конечно, что по 105 статье, часть 1, мол, убил кого-то, но никаких подробностей. Народ периодически ездил по судам, а меня перестали куда-либо вызывать, кроме начальника и Проканова. У начальника всегда было одно и то же – я не мог ответить на его вопросы, а он не хотел (или не мог) на мои. Мне казалось, что он толком ничего про меня не знал, уж больно потерянный у него был взгляд.

Но если сам начальник ничего из себя не представлял – встретишь такого на улице и не запомнишь, то второй то-

вариш, который присутствовал при всех беседах у начальника, очень запоминающийся: высокого роста, широкий в плечах, при этом непропорционально узкое лицо. Он всегда стоял у окна и курил чёрную сигарету. На глазах очки, воротник поднят, чёрный плащ в пол. Самый настоящий чекист. Но он всегда молчал и стоял в стороне, словно не по мою душу пришёл, но что-то мне подсказывало, что он здесь исключительно из-за меня.

Он наверняка про меня что-то знал!

Народец, конечно, в камере был разношерстный. Точнее разнообразный. Слово «шерсть» здесь применялось только к униженным, стать которым можно было либо за статью (к примеру насильники, братоубийцы и т.п.), либо если сделаешь что-то не то в самой тюрьме. Например, пожмёшь руку такому униженному, или возьмёшь что-нибудь из его рук, или прогнёшься под кого-нибудь, или украдёшь у своих в камере, или стукачом станешь... В общем, поводов много. Тогда будешь спать под иконкой на полу или тебя переведут в отдельную камеру, где все такие.

Поводов уйти в обиженные (так здесь называли униженных, поэтому вместо слова «обижаться», говорят «огорчаться») много. Проще ничего лишнего не делать, никуда не соваться и вести себя естественно, насколько это возможно. Ни в коем случае нельзя показывать трусость и слабость, иначе сразу найдётся тот, кто захочет за твой счёт облегчить свою жизнь за решёткой, например, заста-

вив тебя стирать его вещи и мыть за ним (а то и за всеми сразу) посуду. Короче, если хочешь жить без лишних проблем, не лезь ни к кому, не мешай никому, не делай ничего, что может кого-то разозлить. Особенно, если ты чувствуешь слабость за собой. Я до жути всего вокруг боялся, но старался этого не показывать.

Не верь, не бойся, не проси!

Люди в камере периодически менялись, и о каждом движении к нам или от нас сообщали запиской (малявой), в которой указывали ФИО и статью, и отправляли вечером по дороге в Котёл. Котёл или котловая хата – это была камера, в которой арестанты вели свою домовую книгу, куда записывали всех приезжающих и выезжающих из тюрьмы. Меня почему-то это заинтересовало. Во всяком случае я почувствовал какую-то тягу к этому процессу. Даже на время забыл про свои проблемы.

Может это просто отвлекало от арестантов, которые крутились перед тобой 24 на 7 и от вида которых реально подташнивало. В основном были нормально одетые люди, но всегда в каждой камере попадались бомжи, которые о гигиене не слышали ни слова! От них воняло, они никогда не мыли руки, а лишь для вида смачивали их, выходя из туалета. Таких хотелось замочить и без всякого гула, но приходилось сидеть с ними в одной камере и терпеть.

По событиям в тюрьме, я понял, что в этот раз мне очень повезло с камерой. В соседних камерах часто кричали

и что-то гремело. В один вечер даже дошло до поножовщины с летальным исходом. И как мы узнали чуть позже – всё до банальности просто – напились и не смогли поделить что-то вкусное поровну, начали ругаться, драться и один другого пырнул заточкой. Из-за таких вот случаев большая проблема достать сахар, потому что из него варят всякую бормотуху, из-за которой потом и случаются подобные вещи.

Арестанты сами виноваты почти во всех своих бедах!

Приглядываясь к движениям дорожника, я быстро понял схему его работы и предложил поменяться местами, аргументировав тем, что от скуки с ума можно сойти. Но неожиданно получил отказ. Димка (наш дорожник) сказал, что такие вопросы обычно решает смотрящий за хатой, но так как у нас его нет, то все вместе должны решить, а сам он в принципе не против.

Решить сразу не получилось, половина арестантов уже спали, и мы с Диманом решили перенести вопрос на завтра. Я еще немного постоял с ним рядом, посмотрел, как он вытягивает верёвку и ловко перенаправляет груз дальше по тюрме, записав на отдельную бумажку что пришло и куда он передал дальше. Короче, дело не сложное, осталось дождаться завтрашнего дня.